

*Владимир Коваль
(г. Гомель, Беларусь)*

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖЕНСКОЙ РЕЧИ (к вопросу о лингвогендерном измерении текста)

У статті на матеріалі художніх текстів розглядаються особливості жіночого мовлення (фатичність, емпатія, наявність підтексту) і лексичні прояви жіночої комунікації: алегоричність, емоційність, багатослівність, використання евфемізмів.

Ключові слова: жіноче мовлення, фатичність, емпатія, підтекст, лексичні прояви.

В статье на материале художественных текстов рассматриваются особенности женской речи (фатичность, эмпатия, наличие подтекста) и лексические проявления феминной коммуникации: аллегоричность, эмоциональность, многословие, использование эвфемизмов.

Ключевые слова: женская речь, фатичность, эмпатия, подтекст, лексические проявления.

Some features of the female speech (such as phaticity, empathy, subtext) and lexical manifestations of feminine communication (such as allegory, emotionality, verbosity, euphemisms using) are considered on the material of literary texts in the article.

Key words: female speech, phaticity, empathy, subtext, lexical manifestations.

Речевая палитра женских литературных персонажей отличается чрезвычайным богатством и разнообразием, что обусловлено самой природой женской коммуникации в сравнении с общением мужчин. Так, если мужской разговор имеет своеобразный «отчётный» характер, то разговор женщин – это общение «о мелочах», т. е. о деталях; разговор мужчин имеет своей целью получение определенного «статус-кво» (а нередко – превосходства), в то время как женский разговор нацелен на утверждение согласия и доверительности. В мужской коммуникации наиболее распространены такие темы, как деньги, коммерческие дела и спорт; женщины чаще говорят об

отношениях между людьми, о других женщинах, одежде и различных аксессуарах. Мужские групповые разговоры более информативны, женщинам же важнее выразить свое отношение к действительности, поделиться с собеседницами новостями и переживаниями, получить помощь или оказать кому-либо поддержку. В процессе общения женщины склонны чаще задавать вопросы с целью продолжения беседы, поскольку они всегда более заинтересованы именно в этом. Свое несогласие с мнением собеседника женщина чаще выражает молчанием, а не открытым словесным протестом, «вербальной агрессией», что обычно свойственно мужчинам. Существует также «мужская» и «женская» интерпретация вербальной агрессии: если женщина считает её направленной против себя и склонна перебивать общение, то мужчины видят в ней способ интенсификации беседы. Замечено и то, что женщин обычно перебивают чаще, чем мужчин. Женщины, кроме того, более склонны к высказываниям требований, преподносимым в виде просьб. Темы женских разговоров, как правило, развиваются спонтанно, существует и четкая ориентация на определенные темы беседы. Для мужчин более характерно интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию, чаще перебивать собеседника, в особенности, когда собеседник – женщина. Чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать комментарии собеседника также более свойственно мужскому, а не женскому дискурсу. Мужчины, как правило, стараются доминировать в беседе, управлять её развитием, свои намерения выражают прямо, без обиняков, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов. Мужчины также в большей степени ориентируются на собственное предыдущее высказывание, а женщины – на высказывания коммуникативного партнера.

Женское речевое поведение характеризуется фатичностью, эмпатией, вниманием к подтексту: «Замечено, что женщины – тонкие коммуниканты, они более фатичны, то есть изобретательны и мобильны в применении контакто-устанавливающих средств, легче переключаются, учитывая желания собеседника, проще входят в мир интересов другого

человека, способны проявить эмпатию (сочувствие) в разнообразных вербальных и невербальных формах. Улавливая ситуативную множественность смыслов, женщина проявляет себя как тонкий герменевт, умеющий читать между строк и формировать на фоне текста подтекст [1, с. 23]».

Художественный текст в целом может представлять собой наглядную иллюстрацию типичного женского коммуникативного поведения, подчиненного определенной стратегической цели. Рассмотрим следующий пример. Перед Лисой – персонажем классической басни «Ворона и Лисица» – стоит «стратегическая» цель: завладеть сыром, обладателем которого совершенно случайно, по воле судьбы («Вороне как-то Бог послал...») является именно Ворона. Лиса, воплощающая типично женскую хитрость и сопутствующие ей коварство, притворство и неискренность, избирает единственно верный вариант коммуникативной тактики: откровенную (и по своей форме агрессивную) лесть в сочетании с комплиментарными характеристиками, касающимися внешнего вида Вороны, символизирующей внешне непривлекательную, недалекую и доверчивую, неизбалованную комплиментами женщину. Лисьи стратегия и тактика реализуются соответствующими вербальными средствами, доминирующая роль в которых принадлежит типичным для женского общения уменьшительно-ласкательным формам, используемым либо как обращения к собеседнице (голубушка, светик, сестрица), либо для характеристики ее внешности и «вокальных способностей» (шейка, глазки, перушки, носок, голосок). Использованное Лисой коммуникативное поведение в сочетании с гендерно маркированной манерой речи («говорит так сладко, чуть дыша») оказывают неотразимое воздействие и способствуют достижению стратегической «сверхзадачи»: опытная, искушенная женщина прекрасно знает, с помощью каких лексических средств можно повлиять на простодушную и восприимчивую к лести собеседницу.

Для женской речи весьма характерна аллегоричность, заключающаяся в употреблении участницами коммуникации

высказываний, которые, обладая подтекстом, скрытым смыслом, могут быть поняты весьма специфично применительно к конкретной ситуации. Отто Есперсен, одним из первых обратившийся к проблеме гендерной маркированности речи, отмечал, что для женского речевого поведения весьма типично не только «подсознательное уклонение от непристойных, грубых выражений», но и «склонность к использованию «чистых», т. е. завуалированных и уклончивых фраз [2, с. 57]». Подобное вербальное поведение женщин исторически и психологически обусловлено: «Когда женщина высказывает что-то, то делает это в косвенной форме, только намекает на то, что хочет сказать, другими словами – «ходит вокруг да около». Разговор обиняками – чисто женская специализация и служит определенной цели: с помощью такого разговора легче наладить отношения и прийти к согласию с другими, поскольку в такой речи отсутствует агрессия, конфронтация и обходятся стороной разногласия. Такой разговор вполне отвечает роли хранительницы гнезда, которой надо поддерживать гармонию [3]».

Уход от прямого, однозначного ответа оказывается особенно значимым для женщины в судьбоносной, переломной ситуации. Так, Кити Щербацкая в ответ на сделанное ей Левиным брачное предложение отвечает ему отказом, но в смягченной, подчеркнута вежливой, тактичной форме: «Этого не может быть... *простите меня*. (Л. Толстой. Анна Каренина)». В ситуации огромного эмоционального напряжения фраза, сказанная Анной Карениной, не без оснований понимается влюбленным в нее Алексеем Вронским «с точностью до наоборот»: *«Я приехала сказать вам, что это должно кончиться. Я никогда ни перед кем не краснела, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною в чем-то». Он смотрел на нее и был поражен новой духовною красотой ее лица. «Чего вы хотите от меня?» – сказал он просто и серьезно. «Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити», – сказала она. – «Вы не хотите этого», – сказал он. Он видел, что она говорит то, что принуждает себя сказать, но не то, что хочет. (Толстой. Анна Каренина).*

Двусмысленность женских высказываний особенно характерна для ситуаций знакомства с мужчиной, когда женщина в силу общепринятых стереотипных представлений не может открыто выразить свое отношение, но, употребляя ту или иную аллегоричную фразу, подает тем самым своеобразный сигнал мужчине, стимулируя его инициативу. Классическим примером подобного женского речевого поведения может служить фрагмент рассказа А. Чехова «Дама с собачкой», в котором описывается ситуация «преодоления барьера» между Гуровым и Анной Сергеевной: *Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил. Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза. «Не бойтесь, он не кусается», – сказала она и покраснела.* Адресованная Гурову фраза Анны Сергеевны имеет очевидный двойной смысл («Не бойтесь меня, будьте решительнее, смелее»), что прекрасно осознается самой героиней: на это указывает употребление глагола *покраснеть* ‘испытать чувство стыда, стеснения’. Смущенность и деликатная заинтересованность героини в общении с нравящимся ей мужчиной отчетливо выражена автором в описании направленности взгляда: *Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза.* Не без скрытого смысла с первых же минут знакомства с Гуровым Анна Сергеевна говорит и о том, что в Ялте ей скучно, что здесь она одинока и рада знакомству с ним.

Одним из наиболее устойчивых гендерных стереотипов является представление о многословности женщин, их известной склонности к продолжительному говорению. В целом многословие является устойчивой универсальной характеристикой женского речевого поведения, а имидж молчаливой женщины во многих культурных традициях рассматривается в качестве идеала. В одном из разделов свода житейских правил и наставлений 16 века «Домостроя» – «Похвала женам» – женская молчаливость названа в ряду таких добродетелей, как доброта и трудолюбие: «Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая – венец своему мужу». Как отмечает Л. М. Бутовская, «во всех культурах женщины более разговорчивы, чем мужчины, и термин

болтушка прочно закрепился за лицами женского пола». Универсальный характер имеет, по-видимому, и следующее наблюдение: «Во всем мире девочки начинают говорить раньше мальчиков. К трем годам у девочек словарный запас в среднем в два раза превосходит таковой у мальчиков [4, с. 130]».

Гендерно маркированными можно считать слова *болтать, болтовня, трещать, трескотня, тараторить, тараторка, тарыхтеть*, содержащие представления не только об интенсивности и длительности, но и о бессодержательности женской речи. Сравн.: *Он читал книгу, думал о том, что читал, останавливаясь, чтобы слушать Агафью Михайловну, которая без устали болтала.* (Толстой. Анна Каренина); *Уж нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанет, трецим, трецим* (Островский. Доходное место); *Пока бабы тараторили, рассматривая подарки, Пантелей Прокофьевич пиковым королем прошелся по кухне* (Шолохов. Тихий Дон); *Рагулин добродушно улыбнулся и сказал сам себе: «Тарыхтела, тарыхтела, а толком ничего не сказала* (Бабаевский. Кавалер Золотой звезды)».

Быстрота, объем и содержание женского монолога, посвященного светским сплетням, передается в следующем случае с помощью сравнительного оборота, основывающемся на гиперболе: *Пришли ещё двое: высокий пожилой актер драмы и вертявая, в коротеньком, голого фасона, платьице, мадемуазель Лулу. Певица затараторила так быстро, как будто у нее четыре проворных языка: «Послушайте, послушайте, какой скандал. Любовник прима-балерины князь Ш. вlepил затрещину ее ухажеру, милому мальчику, кадету Коко. И прелестные получены бананы, да, да, у Елисеева. У бельгийского посла вчера оценилась сука – дог. Роды были трудные, акушеру пришлось накладывать щипцы, ха-ха, смешно... собака и... щипцы. Тенор Панов на арии «Милые женичины» дал петуха, галерка свистала. Сенатору Б. в Английском клубе подменили шинель в бобрах на какой-то драный архалук* (Шишков. Угрюм-река).

Подобные женские монологи характеризуются обилием деталей, отступлениями, сбивчивостью и логической непоследовательностью. Женщины «легко отвлекаются на ситуативные детали, культивируют побочные темы («ассоциативное соскальзывание») и в итоге могут потерять нить разговора [5, с. 24]». Вместе с тем, при очевидной тематической неоднородности женского говорения можно отметить постоянный интерес коммуниканток к семейным и любовно-брачным отношениям: *Княгиня говорила без умолку. <...> Княгиня рассказывала случай, который был с ними на Спасской горе, грозивший ей опасностью в ее положении, и сейчас же после этого сообщила, что она все платья свои оставила в Петербурге и здесь будет ходить бог знает в чем, и что князь Андрей совсем переменялся, и что Кити Одынцева вышла замуж за старика, и что есть жених для княжны Марьи настоящий, но что об этом поговорим после* (Толстой. Война и мир).

С другой стороны, для феминной речи не менее характерно использование слов с выразительной негативной коннотацией, представленных прежде всего «единицами аффектированной лексики» [6, с. 13]. Сравн.: *«Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно! – вдруг заговорила Наташа и опять зарыдала. – Я умру, дожидаясь года: это нельзя, это ужасно»* (Л. Толстой. Война и мир); *«Должно быть, я теперь ужасно безобразна!» – подумала она* (Чехов. Именины).

Кроме того, в художественных текстах слова с корнем *ужас-* могут не только утрачивать связь со своей негативной семантикой, но и получать изначально не свойственное им положительно оцениваемое значение. В эмоциональной женской речи слово *ужас* способно приобретать отчетливую положительную коннотацию: *Только раз я утром встала и так тебя полюбила, что ужас! Ты мне во всю ночь снилась.* (Достоевский. Неточка Незванова); *«А мы, – кричит она, – вперед едем! Уже такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужас!* (Чехов. Человек в футляре)».

Вполне закономерно, что в речи женских литературных персонажей нередко встречаются эвфемизмы – «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющимися говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [7, с. 590]».

Классическое иронично-насмешливое описание употребления эвфемизмов в манерной, салонной женской речи принадлежит Н. Гоголю: *Ещё нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в коем случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо этого: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. (Гоголь. Мертвые души). Сходные «гиперкорректные варианты» [8, с. 296], употребляемые в женской речи, находим и в повести Н. Лескова «Воительница»: *К тому же и обращение у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде»; о беременной женищине ни за что не брякнет, как другие, что она, дескать, беременна, а скажет: «она в своем марьяжном интересе», и тому подобное.**

По вполне понятным причинам женщины при публичном общении последовательно подвергают эвфемизации всё, что имеет отношение к супружеской измене. Так, при обсуждении поведения Анны одна из ее знакомых вместо номинации, прямо указывающей на характер отношений между Анной и Вронским, употребляет описательное выражение *привезти тень Алексея Вронского*: *«Анна очень переменилась с своей московской поездки. В ней есть что-то странное», – говорила ее приятельница. – «Перемена главная та, что она привезла с собою тень Алексея*

*Вронского, – сказала жена посланника (Толстой. Анна Каренина)». Княгиня Бетси, отвечая на вопрос Анны о поведении их общей знакомой, употребляет фразеологический эвфемизм забросить чепец за мельницу ‘забыть светские приличия, пренебречь общественным мнением во имя личных увлечений’ для оценки греховного женского поведения: *Бетси улыбнулась глазами и внимательно поглядела на Анну. «Новая манера, – сказала она. – Они все избрали эту манеру. Они забросили чепцы за мельницы. Но есть манера и манера, как их забросить.* (Л. Толстой. Анна Каренина).*

Таким образом, женская речь характеризуется рядом лексических особенностей, обусловленных, в свою очередь, особенностями «женской картины мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Синельникова, Л. Н. Введение в лингвистическую гендерологию: материалы к спецкурсу / Л. Н. Синельникова, Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2001. – 40 с.
2. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык / Дж. Коатс // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 34–231.
3. Алпатов В. М. Женщины говорят иначе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.inauka.ru/linguistic/article67294.html>
4. Бутовская М. Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции / М. Л. Бутовская. – Фрязино : Век 2, 2004. – 368 с.
5. Синельникова Л. Н. Введение в лингвистическую гендерологию: материалы к спецкурсу / Л. Н. Синельникова, Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2001. – 40 с.
6. Кавинкина И. Н. Гендерный дисплей в лингвокреативной деятельности носителей русского языка: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : 10.02.02 «Русский язык» / И. Н. Кавинкина. – Минск, 2003. – 23 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

8. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структура и социальная типология языков: учеб. пособие / Н.Б. Мечковская. – Минск : Амалфея, 2000. – 368 с.

Стаття надійшла до редакції 22 лютого 2013 року

УДК 811.161.2:81'373'7

*Людмила Кожуховська
(м. Переяслав-Хмельницький, Україна)*

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЗНАВЧИЙ АСПЕКТ ЗМІСТУ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ

У статті аналізуються етносемантичні аспекти лінгвокультурологічного змісту фразеологізмів української мови. Визначається на прикладі стійких сполучень образно-символічна основа специфічних ментальних рис українців.

Ключові слова: *фразеологізми, лінгвокультурологічний аспект змісту, образи-символи, риси ментальності, внутрішні асоціативні зв'язки.*

В статтє анализируются этносемантические аспекты лингвокультурологического содержания фразеологизмов украинского языка. Определяется на примере устойчивых сочетаний образно-символическая основа специфических ментальных черт украинцев.

Ключевые слова: *фразеологизмы, лингвокультурологический аспект содержания, образы-символы, черты ментальности, внутренние ассоциативные связи.*

The article examines the cultural, linguistic aspects ethnosemantychni content phraseology Ukrainian. Identify an example of stable combinations of figurative and symbolic basis of specific mental traits Ukrainian.

Keywords: *idiom, linguistic and cultural aspects of content, images, symbols, traits mentality internal associative.*